

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-5-16
УДК 81:1; 81:367

ИНТЕГРИРУЮЩИЙ ХАРАКТЕР КОММУНИКАЦИИ И ОРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ КАТЕГОРИИ ЛИЦА В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: sharandin@list.ru

*Посвящается юбилею заслуженного деятеля науки РФ,
члена-корреспондента Российской академии образования,
профессора Сакмары Георгиевны Ильенко*

Аннотация. Рассмотрена проблема отношений между такими понятиями, как интеграция языковых уровней, категория лица и антропоцентризм, в контексте идей профессора С.Г. Ильенко. Это не случайно, поскольку данная проблема представлена в ее трудах как имеющая *методологический характер* в связи с признанием антропоцентризма и интеграции в качестве главных принципов описания языковой системы. Ключевую и организующую роль в их взаимосвязи играет категория лица, которая в различных формах ее реализации присутствует на разных языковых уровнях и в коммуникативной деятельности человека в целом. Это позволяет рассмотреть понятие интегративного коммуникативного пространства, которое представлено как единство, создаваемое взаимодействием разных типов знаний: 1) знаний, полученных в результате отражения и интерпретации действительности; 2) знаний языковой системы, используемой в качестве средства познания этой действительности и общения. В результате коммуникация является самым высоким уровнем, который позволяет сопоставить информацию разных уровней, и формирует на их основе интегративное единство, целостность которого обеспечивает выполнение языком его основной функции – коммуникативной.

Ключевые слова: антропоцентризм; категория лица; интеграция; языковые уровни; синтаксис; коммуникативная функция языка

В конечном итоге назначение синтаксиса, на уровне которого завершается оформление главной функции языка – быть средством общения, – сводится к реализации двух задач: отразить мысль, указывающую на «положение дел» в реальной (или вымышленной) действительности, и скоординировать межличностное общение. Важно не только **что** сообщается (первая задача), но и **кем, кому и как** (вторая задача)...

В самых общих чертах смысл неразрывной связи структурно-смысловой и адресатно-личностной составляющих предложения... существует исключительно благодаря категории лица.

Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009. С. 38.

Современный этап развития лингвистики в целом и русистики в частности, несомненно, связан с антропоцентризмом как главным принципом лингвистического исследования, который получил развитие в ряде направлений, сформировавших на его основе свою теоретико-информационную базу, а также методы и приемы исследования языкового материала. К числу таких направлений ан-

тропоцентрического типа можно отнести когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, психолингвистику, коммуникативную лингвистику и др. Их формирование и развитие во многом обусловлено произошедшей сменой научных парадигм – системноцентрической на антропоцентрическую. Поэтому, наряду с изучением и описанием поуровневого устройства языка, лежащего в основе системно-структурного подхода к языку и определившего аспектное описание ядерных языковых единиц того или иного уровня, *на первый план* выдвигается изучение *языковых способностей* носителя языка, его *знаний*, зафиксированных в языке и обуславливающих социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные компетенции человека. Произошло важнейшее переключение внимания исследователей на функциональные и деятельностные возможности носителя языка.

Кроме того, интерес многих наук к человеку как личности, обладающей рядом ког-

нитивных способностей, и, прежде всего, владение языком как одной из центральных когнитивных способностей, присущих человеку, закономерно обусловил интерес к когнитивной функции языка. В свою очередь коммуникация и когниция, как в отдельности, так и в своем единстве, обусловили исследовательский интерес к интерпретирующей функции языка и ее включению в число основных функций. Как отмечает В.З. Демьянков, «*интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий*» [1], что, в принципе, определяет сущность коммуникации, связанной с речевыми актами. Таким образом, в настоящее время *коммуникативная, когнитивная и интерпретирующая функции стали определяющими* в осмыслении языка как средства общения и передачи знаний о мире и его объектах [2].

В контексте выполнения языком этих основных функций особый интерес вызывает **статус категории лица в русском языке**, которая связана с осмыслением и восприятием языка (речи) как деятельностной категории. При этом, как точно отметил Р.И. Павленис, «речь идет о человеке – не просто пассивном референте языковых выражений, а активном их интерпретаторе, не просто носителе языка, а – прежде всего и важнее всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [3, с. 259-260]. Поэтому, по мнению С.Г. Ильенко, «только в человеческом языке появляется категория лица, отражающая организующую роль говорящего по отношению к речи и к коммуникации в целом» и «именно эта категория «делает» человеческий язык» [4, с. 17].

С этим трудно не согласиться, учитывая, что категория лица как бы пронизывает все уровневое устройство языка и в том или ином виде представлена в реализации, прежде всего, коммуникативной функции. При этом данная категория демонстрирует интерпретацию действительности либо в виде ее восприятия в форме членимого высказывания (ситуативно независимого высказывания, по С.Г. Ильенко), либо нечленимого (ситуативно зависимого, по С.Г. Ильенко) высказывания. В первом случае высказывание от-

ражает когнитивную способность человека видеть в членимой ситуации те или иные субъектно-объектные отношения, которые находят отражение в структурно-семантической организации высказывания, соотношенной с действительностью и с определенным моментом речи. Во втором случае ситуация воспринимается с когнитивной точки зрения как реакция на нее, отраженная в знаковой форме всего звукового состава высказывания безотносительно к его членению на отдельные части речи (слова). В результате отсутствует соотношенность с какими-либо субъектно-объектными отношениями и с теми или иными моментами речи, поскольку представлен только настоящий момент речи. Коммуникативный потенциал последних оказывается близким коммуникативным сигналам животных в их общении. Эта близость во многом определялась тем, что и животное, и человек оказались способными воспринимать момент речи. Однако животное воспринимало момент речи на инстинктивной основе, а человек на основе сформировавшихся у него ментальных процессов концептуализации и категоризации. В результате он оказался способным в дальнейшем своем развитии категоризовать время на его составляющие и тем самым включить в коммуникацию разные временные срезы, на фоне которых воспринималась и описывалась та или иная ситуация.

Кроме того, в отличие от животных, человек способен включать ситуативно зависимые (нечленимые) высказывания в процесс коммуникации на правах компонентов коммуникативного акта, в котором представлены ситуативно независимые высказывания. Именно это и определяет коммуникативный потенциал нечленимых высказываний с позиций говорящего и слушающего, которые включаются в коммуникативную ось Я – ТЫ и тем самым реализуют категорию лица в качестве коммуникативной категории. Как отмечает С.Г. Ильенко, «в практике человеческого общения коммуникативная функция может реализоваться и **без синтаксической организации как таковой** – за исключением интонационной оформленности, которая в случаях типа *Вот еще!*, *Неужели?*, *Ау!*, *Нет* и т. п. оказывается средством, придающим данной знаковой последовательности харак-

тер высказывания, **единицы коммуникации**. Фактически лишённые синтаксической организации, такие высказывания, однако, могут служить полноценными репликами в диалоге, способными резко изменить его течение и т. д.» [4, с. 14-15]. В результате нечленимые (ситуативно зависимые) высказывания оказываются **по своей природе собственно коммуникативно-семантическими единицами**, а не единицами структурно-семантического синтаксиса, какими являются членимые (ситуативно независимые) высказывания. Последние, оказываясь компонентами коммуникации и единиц, представляющих ее (в частности диалога), сохраняют структурную организацию, но уже предстают в качестве **коммуникативно-структурных высказываний**.

Как известно, человек для обозначения лица в русском языке выработал особые **дейктические знаки** – личные местоимения Я, ТЫ, противопоставленные местоимениям ОН, ОНА по линии участия/неучастия в акте коммуникации. Поэтому, по мнению М.А. Шелякина, «местоимения первого и второго лица можно назвать *местоимениями коммуникативного лица*, а местоимения третьего лица – местоимениями *некоммуникативного лица или предмета*» [5, с. 13], которые как бы замещают окружающий мир в его противопоставлении человеку (лицу в строгом смысле слова). Это находит отражение в их различиях *с точки зрения функционального характера*: «местоимения первого и второго лица выполняют *только дейктическую функцию*, местоимения третьего лица – *только анафорическую*, то есть эти местоимения всегда замещают имя лица или предмета, подразумеваемое или упомянутое...» [5, с. 13].

Немаловажным фактором, указывающим на коммуникативную значимость местоимений, является то, что, по мнению многих исследователей, они по своему происхождению являются древними знаками, древними словами. Более того, высказывалась гипотеза о первичности местоимений по отношению к номинативным словам (В. Гумбольдт, Г.П. Павский, К.С. Аксаков и др.). Так, В. Гумбольдт писал: «Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосред-

ственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего «я». Но само понятие «я» предполагает также и «ты», а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы» [6, с. 113-114].

Не вдаваясь детально в дискуссию по многим спорным вопросам, в частности, происхождения местоимений, их состава и семантики, классификации, соотношения с номинативными словами и др., мы считаем, что **дейксис** – это особый **самостоятельный тип лексического значения**, присущего слову, в силу чего местоимения и противопоставлены номинативным (называющим) словам. Что же касается специфики грамматического оформления данного типа слов, то отсутствие у них специальных грамматических форм можно объяснить тем, что дейктические знаки оказались достаточно четко выделенными в языке лексически, образуя в определенном смысле закрытый ряд слов. В частности, Н.Ю. Шведова и А.С. Белоусова отмечают: «В языке существует закрытая система слов, специально созданная для обозначения соответствующих понятий и их регулярных модификаций: именно таков класс местоимений...» [7, с. 6]. На наш взгляд, грамматическая специализация для них, по существу, избыточна. При этом в местоименных знаках, как и в назывных, отражение действительности есть. Однако оно достигает в них такой степени обобщения, что делает нерелевантным непосредственное название. Отвлеченный характер местоимений позволяет им выражать саму идею представленности действительности, в максимальной степени обобщив все основные параметры этой действительности: лица, предметы, признаки, пространство, время и т. д. Информация, передаваемая посредством местоимений, предстает, на наш взгляд, не как «отраженное разнообразие» (в назывании), а как «**отраженное однообразие**» (в дейксисе). Именно высокая степень обобщения и абстракции позволяет им выполнять функцию выразителей частеречной семантики. Но поскольку местоимения функционируют в качестве слов, в качестве языковых знаков, то вне грамматической формы, как обязатель-

ного и специфического плана выражения слова, они быть не могут, ибо «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы» [8, с. 18]. Поэтому дейктические знаки используют тот набор грамматических форм, которыми оформляются соотнесенные с ними назывные знаки. Однако, совпадая во многом по грамматическим свойствам, дейктические и назывные знаки различаются главным – информацией, заключенной в этих языковых единицах, тем, что она по-разному преломляется в речевом акте. Поэтому большинство лингвистов рассматривают местоимения как слова, которые «указывают на компоненты речевого акта и предметы с точки зрения позиции говорящего. В этом заключается эгоцентризм местоименных слов, их постоянная соотнесенность с субъектом речи» [5, с. 5]. При этом говорящий осознает в речевом акте и самого себя как адресанта (Я) по отношению к адресату (ТЫ), а в диалогической речи они взаимнообратимы. По отношению к 3-му лицу в лингвистической литературе было высказано мнение, что оно не есть собственно лицо (К.С. Аксаков).

Наиболее полно мотивация отношений между «я/ты», с одной стороны, и «он» – с другой, была представлена Э. Бенвенистом, который выявил следующие особенности их противопоставления: 1) «...«я», которое производит высказывание, «ты», к которому «я» обращается, каждый раз уникальны. Напротив, «он» может представлять собой бесконечное число субъектов – либо ни одного» [9, с. 264]; 2) 3-е лицо может комбинироваться с любой объективной референцией [9, с. 290]; 3) «...тот, кого я определяю как «ты», сам мыслит себя в терминах «я» и, обращаясь в «я», превращает мое «я» в «ты» [9, с. 264]; 4) лишь посредством третьего лица вещь получает словесный предикат [9, с. 264]. В результате корреляция личности противопоставляет лица «я/ты» не-лицу «он» [9, с. 269].

В отношениях Я – ОНО и Я – ТЫ исследователи видят различную концептуализацию, отраженную в языковой картине мира. Так, по мнению М. Бубера, «мир как опыт» представлен в противопоставлении и единст-

ве Я – ОНО, а «мир отношений» создается Я – ТЫ (цит. по: [4, с. 16]).

Соотнесенность с личными местоимениями 1-го и 2-го лица позволяет исследователям выделять среди существительных так называемые *личные существительные*. Неличные имена существительные соотносятся с местоимениями только 3-го лица. А личные местоимения, в связи с совпадением их грамматических характеристик с существительными, часто определяются как *местоименные существительные*.

Таким образом, на лексическом уровне категория лица представлена, прежде всего, личными местоимениями как «классом слов» (М.В. Панов), для которых «указательность» на говорящего и слушающего «является их лексико-семантической, а не грамматической чертой» [5, с. 9]. Связь с говорящим лицом обуславливает специфику актуализации их лексической семантики: они не называют предмет, а лишь *указывают на его наличие в поле зрения говорящего*. По мнению М.А. Шелякина, «в связи с дейктическим характером местоимений их предметная соотнесенность всегда является конкретной, ситуативной и индивидуальной» [5, с. 5]. При этом он отмечает, что «местоимения не заимствуют у номинативных слов их значения, не употребляются в их значениях». Поэтому «прикрепленность местоимений к ситуативной предметности речи говорящего определяет их функциональное назначение – быть одним из универсальных средств актуализации речевых высказываний (высказываний о конкретных фактах действительности)» [5, с. 6]. Естественно, данная особенность местоимений вообще и личных местоимений в частности непосредственным образом связана с морфологией и синтаксисом, а через них – с коммуникацией (см. ниже).

Рассмотрение категории лица на **морфологическом уровне** представлено достаточно полно и связано с ее реализацией в глагольных формах. Начиная с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, принято выделять три формы лица, значение которых связано с обозначением участников коммуникативного процесса. В настоящее время морфологическая категория лица определяется как «система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесен-

ность или неотнесенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1 лица), к собеседнику (формы 2 лица) или к лицу, которое не является ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3 лица)» [10, с. 636]. Особо обращает на себя внимание сориентированность личных форм на выбор местоимений. Закономерность здесь следующая: местоимение «я» сочетается только с формами глаголов, указывающими на говорящего (субъект коммуникации), «ты» – с формами, указывающими на собеседника (адресат коммуникации), а местоимения «он, она, оно», а также все неместоименные существительные сочетаются с формами глагола, указывающими на объект коммуникации [11, с. 219].

На наш взгляд, в категоризации действительности формы лица глагола имеют несомненную концептуальную значимость, которая находит отражение в центральном противопоставлении «субъект–человек/субъект–предмет», поскольку их категоризация во многом определяется самой природой этих носителей предикативного признака. Объективация глагольного признака субъекта-человека осуществляется посредством формы 1-го лица. Данная форма коррелирует в сознании человека с тем, что именно он (человек) совершает действие. В этой форме объективируется информация о субъекте как бы в двух аспектах: субъект оказывается *говорящим*, а таковым может быть только человек, и субъект оказывается *действующим*, что также в определенном смысле предполагает наличие в качестве субъекта человека. По мнению Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой, «личные окончания в глагольном слове обнаруживают возможность совпадения в одном хронотопе субъекта действующего и субъекта говорящего» [12, с. 234]. Но такое совпадение присуще не всем членам категории лица, а только формам 1–2-го лица, тогда как 3-е лицо характеризует субъект с точки зрения его участия в коммуникативном акте, а точнее, в плане указания на то, что непосредственного участия в коммуникации 3-е лицо не принимает.

Наличие форм лица в грамматической структуре глагола позволяет, на наш взгляд, решить определенную коммуникативную

целустановку, когда лексическое обозначение говорящего и слушающего дейктическим способом оказывается не востребованным в коммуникативном аспекте. Коммуникативную значимость в этом случае приобретает предикатная семантика, выраженная личной формой вне сочетаемости с личными местоимениями. Прежде всего, это представлено в речевом акте, в котором в качестве его компонента выступают так называемые определенно-личные предложения и побудительные предложения с опущенными личными местоимениями. Но, будучи коммуникативно невостребованными, личные местоимения чаще всего оказываются структурно восстанавливаемыми, что и позволяет с точки зрения структурного синтаксиса считать предложения без них либо особым типом односоставных предложений, либо неполными предложениями. В последнем случае коммуникативная невостребованность и в силу этого опущение личных местоимений обусловлены, в частности, общей тенденцией языка к экономии языковых средств. Однако с коммуникативной точки зрения данные типы односоставных предложений вполне полные, самодостаточные, сохраняют коммуникативную значимость в полном объеме. Структурная неполнота в этом случае подчинена коммуникативной целесообразности, коммуникативным установкам участников речевого акта.

В случае же с формами прошедшего времени, в окончаниях которых отсутствует информация о субъекте-лице, наличие сочетаемости с личными местоимениями является необходимым для коммуникации, поскольку родо-числовые окончания форм прошедшего времени глагола не сигнализируют о наличии субъекта-лица – говорящего или слушающего, хотя могут нести информацию о наличии неопределенно-личного субъекта (в односоставных неопределенно-личных предложениях).

Морфологическая выраженность лица находит свою реализацию **в синтаксисе**. Показательным в этом отношении является использование форм повелительного наклонения в побудительных предложениях, антропоцентрический характер которых несомненен, что позволяет им на коммуникативной оси занимать определенное место. Так,

С.Г. Ильенко, рассматривая антропоцентрический принцип в его синтаксической проекции и анализируя в этом плане побудительные предложения, пишет: «Предложения типа *Поди, оставь меня одну* – это предложения непосредственной адресации – плана слушающего, что подчеркивается не только их коммуникативным заданием, модальным статусом, но и спецификой структуры... Оно принципиально не употребляемо в собственном повествовательном регистре, оно является типической принадлежностью сферы диалогического взаимодействия и в этом качестве приобретает **свойство наибольшей антропоцентричности**. Таким образом, семантика, форма, коммуникативная значимость и контекстуальная предназначенность названного предложения делают возможным изменение его классификационного статуса. Назовем его условно **«повелительно-личным предложением»** [13, с. 42].

В связи с вопросом о классификационном статусе побудительного предложения интересным, на наш взгляд, является мнение А.В. Бондарко, который пишет: «В императивной ситуации заключается не только отражение определенного отношения к действительности, но и деятельность говорящего, направленная на изменение действительности, на появление «новой действительности». Такова цель заключенного в императивном акте управляющего воздействия говорящего лица на адресата речи» [14, с. 80-81]. И поэтому он (А.В. Бондарко) считает, что побудительные высказывания отражают «особый тип речевого поведения». Действительно, их антропоцентрический характер во многом определяется взаимодействием морфологической формы императива и побудительной конструкции, в результате чего мы имеем отражение коммуникативной ситуации, которая *двусубъектна*, так как включает субъект волеизъявления и субъект-исполнителя; *наглядна* в представлении «человек – действительность», поскольку непосредственно сопряжена с ситуацией речи «я – ты – здесь»; *целенаправленна*, так как ирреальный замысел говорящего состоит в том, чтобы он реализовался субъектом-исполнителем в реальности; *активна*, ибо императивное волеизъявление – «каузативно-направленное» [15, с. 397]. Побудительные предложения как

компоненты диалогических единств выражают сущность коммуникации, цель которой, по мнению В.В. Красных, «воздействовать на реципиента, вызывая его ментально-вербальную или физическую реакцию. Коммуникация осуществляется ради передачи/получения/обмена информацией и некоторого воздействия на реципиента» [16, с. 218].

Взаимодействие личных местоимений как лексических единиц и синтаксиса можно проследить на материале так называемых безличных глаголов типа *знобить, нездоровиться*. На первый взгляд, по формальной характеристике, а именно по отсутствию полной парадигмы лица (нет флективных форм 1–2-го лица), они должны квалифицироваться как негомические. В результате в одном классе оказываются лексемы типа «*знобить*» и «*светать*». Действительно, глагол «*знобить*» не имеет флективных форм 1–2-го лица, не изменяется по лицам, но он соотношен с косвенными формами личных местоимений 1–2-го лица, употребляется в сочетании с ними, ср. *меня знобит, мне нездоровится*. В этом случае мы имеем не «отстоявшиеся синтаксические формы» (по В.В. Виноградову), а своего рода особые аналитические формы лица морфолого-синтаксического типа, в которых показателем субъектности оказываются косвенные формы личных местоимений, ибо «именительный падеж – лишь одна из форм в функциональном ряду обозначения лица, субъекта состояния, сочетание которых с теми или иными способами обозначения состояния семантически и конструктивно обусловлено» [17, с. 161].

Что же касается лексем типа «*светать*», «*смеркаться*», то они по признаку «наличие формы 1–2-го лица» попадают в класс негомических глаголов, потому что, в отличие от *знобить, нездоровиться*, их употребление в предложениях не предполагает обозначения субъекта ни в одной из форм, существующих для этого в языке [17, с. 160]. Ср. невозможность построения фраз: **его светает, *мне смеркается*.

Итак, с учетом взаимосвязи лексики и грамматики (морфологии и синтаксиса), *лексико-грамматическая классификация глаголов*, включающая учет парадигм лица, числа и признак сочетаемости с личными место-

имениями, выглядит в наших работах следующим образом: *субъектные личные (гомиические) глаголы* типа *читать* имеют полные парадигмы лица, числа и наличие сочетаемости с формами 1–2-го лица; *субъектные неличные (негомиические) глаголы* типа *таять* включают неполную парадигму лица, полную парадигму числа и наличие сочетаемости с местоимением 3-го лица; *косвенно-субъектные глаголы* типа *нездоровится* характеризуются неполными парадигмами лица, числа и наличием сочетаемости с косвенными формами 1–2-го лица; *бессубъектные глаголы* имеют неполные парадигмы лица, числа и отсутствие сочетаемости с личными местоимениями [18].

Непосредственно в синтаксисе категории лица уделяется не такое внимание, как в морфологии, но тем не менее без учета этой категории не может в полном объеме охарактеризована предикативность как основополагающий структурно-семантический компонент предложения (высказывания). Понятие предикативности имеет различные толкования, но чаще всего оно представлено в виноградовском понимании. Предикативность рассматривается как отнесенность содержания предложения к действительности, что нашло структурирование предикативности в синтаксических категориях модальности, времени и лица, назначение и семантика которых связана с позицией говорящего. По мнению С.Г. Ильенко, «антропоцентрический принцип, заложенный в определении предикативности, не позволяет ни расширять составляющие предикативности, ни сужать, поскольку... и модальность, и время, и лицо объединены одной и той же ориентацией на говорящего, причем цементирующей в данном случае оказывается **категория лица**» [13, с. 41–42].

Понятие предикативности наиболее полно раскрывается и реализуется в ситуативно независимых (членимых) высказываниях. По отношению же к ситуативно зависимым (нечленимым) высказываниям данное понятие по существу нерелевантно, поскольку отсутствие структурной организации в этом типе высказываний не позволяет соотносить содержание высказывания к действительности с позиций модальности, времени и лица. Вследствие этого данные высказывания

коммуникативны, но не предикативны. Таким образом, возникает вопрос о соотношении предикативности и коммуникативности, поскольку они имеют *разную природу формирования* и вследствие этого оказываются закрепленными за разными сторонами языковой системы. Предикативность имеет *синтаксическую природу* своего формирования и обеспечивает прототипические формы коммуникации, сориентированные на части речи (слова) и их участие в структурировании смысла предложения. Коммуникативные же единицы – это уже результат процесса, который связан не только с языком, но и с неязыковыми средствами (мимика, жесты и т. д.), используемыми в рамках речевого акта. Он предполагает интеграцию вербальных и невербальных средств для достижения главного в коммуникации – отражения отношений между говорящим и слушающим в речевом акте. Другими словами, *предикативность всегда коммуникативна, тогда как коммуникативность не всегда выражается предикативностью*. Это позволяет видеть в **коммуникативности более высокий уровень интеграции** языковых уровней. При этом коммуникативность оказывается качественно новым уровнем, несводимым к сумме его составляющих компонентов и выполняющим функцию общения как функцию всей языковой системы в ее целостности.

В этом плане обращает на себя внимание следующее высказывание С.Г. Ильенко: «Нельзя утверждать, что именно предложение, как основная единица синтаксиса (а следовательно, синтаксис в целом), осуществляет коммуникативную функцию. Синтаксис осуществляет лишь **завершение формирования коммуникативной функции** языка, выступая в качестве полигона взаимодействия всех единиц языковой системы...» [4, с. 18]. Поэтому для нее аксиомой является утверждение, что «участие в обеспечении коммуникации не только синтаксиса и, как следствие, оценка его роли в качестве завершающего этапа порождает необходимость постоянного учета взаимосвязи синтаксических единиц с единицами других уровней» [4, с. 18].

Важнейшим моментом для понимания и описания отношений между разными уровнями на современном этапе развития лин-

гвистики явился поворот исследователей к коммуникации как определяющей назначенной языковой системы в целом. А это значит, что предложение как основная синтаксическая единица хотя и включается в коммуникацию, но при этом не исчерпывает содержание и структурирование коммуникативной единицы – дискурса (текста), оказываясь важнейшим его элементом, но не единственным. По мнению С.Г. Ильенко, «нельзя считать приемлемой распространенную формулировку «синтаксис – коммуникативный уровень языка» [4, с. 26]. Коммуникация осуществляется не только за счет использования предложения, хотя посредством его мысль приобретает более или менее четкую коммуникативную оформленность, но и за счет использования в нем слов с определенным лексическим значением, оформленным морфологическими формами, которые отражают отношения слов в составе предложения. В принципе, язык в этом случае, используя членимый (ситуативно независимый) тип предложений, выполняет орудийную функцию – функцию формирования и выражения мысли, а не собственно коммуникативную. В случае с нечленимыми (ситуативно-зависимыми) высказываниями, выражающими чувства, эмоции, утверждение, различного рода модальности, их коммуникативная полноценность и завершенность вызывает еще большие сомнения, поскольку отсутствует выражаемая ими мысль, а присутствуют, скорее, эмоциональные и оценочные реакции на ту или иную мысль или описываемую ситуацию.

Таким образом, синтаксический уровень, оказываясь более высоким по отношению к другим уровням языковой системы, сам является подчиненным более высокому уровню – коммуникативному. Но при этом следует иметь в виду вывод С.Г. Ильенко о том, что «как бы мы ни стремились поставить синтаксический уровень в один ряд с другими уровнями языка, он тем не менее сохраняет за собой исключительную роль в **формировании смысла** высказывания» [4, с. 26]. Эта роль присутствует и в оценке синтаксиса В.Ю. Копровым: «Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике

как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка» [19, с. 22].

Когда мы говорим о синтаксисе, важно обратить внимание на взаимоотношения выделяемых С.Г. Ильенко предикативности как синтаксической категории и коммуникативной оси как коммуникативной категории. На наш взгляд, предикативность – это грамматическая составляющая предложения, включающая в себя информацию синтаксического времени, модальности и лица. А коммуникативность – это содержательная составляющая процесса общения, которая структурирована, прежде всего, грамматической основой предложения, но не исключая структурирование и другими синтаксическими образованиями, у которых грамматическая основа отсутствует (например, нечленимые предложения). Поэтому отношения между ними – это отношения формы и содержания, имеющие в языке относительный характер: то, что на одном уровне является содержанием, на другом, более высоком уровне вполне может оказаться формой (С.Д. Кацнельсон, А.А. Потеня и др.). Другими словами, предложение, будучи на своем уровне содержательной сущностью, на другом более высоком уровне – коммуникативном – оказывается формой коммуникативного содержания (ср. отношения лексики и грамматики в теории лексической грамматики). Предикативность обеспечивает прототипическую коммуникацию, представленную членимыми или ситуативно независимыми высказываниями. Но коммуникация может быть представлена и непрототипическими формами, в которых предикативность, как грамматическая основа предложения, по существу отсутствует.

Предикативность сориентирована в большей степени на тема-рематические отношения компонентов предложения в рамках актуального его членения, соотношенного в той или иной степени с грамматическим членением. Коммуникативность же, в принципе, безотносительна к тема-рематическим отношениям, выраженным морфолого-синтаксическим способом. Она в большей степени сориентирована на актуализацию смысла, обусловленную отношениями говорящего и слушающего и в этом смысле учитывает реализацию категории лица, которая, по мнению С.Г. Ильенко, является «точкой отсчета как

для «формализаторов» предикативности (модальности и синтаксического времени), так и для «формализаторов» коммуникативной оси» [4, с. 15]. Это и позволяет говорить о **категории лица как универсальной категории**, представленной на всех содержательных уровнях языковой системы, о ее организующей роли в выполнении языком коммуникативной функции.

В данном случае речь не идет об игнорировании других языковых средств в осуществлении ими своих функций. Речь идет об участии этих средств, с учетом их первичных функций, в выполнении языком коммуникативной функции. Выбор же конкретных средств определяется целями носителей языка, их прагматическими установками. Поэтому в одних случаях этот выбор оказывается в пользу лексических средств, в других коммуникативные цели и прагматика требуют актуализации определенных морфологических форм (например, форм императива) или особых синтаксических конструкций (например, инфинитивное письмо в поэзии). В этом плане уместно вспомнить слова Е.С. Кубряковой о том, что «сегодня... в меньшей степени акт номинации зависим и от коммуникативных факторов, то есть от того, в какой роли мыслится его результат как единица дискурса» [20, с. 63].

Однако здесь важно, на наш взгляд, заметить, что, участвуя в коммуникации в качестве ее составляющих, слова-лексемы, морфологические формы и синтаксические конструкции не приобретают собственно коммуникативных свойств, реализующихся на коммуникативной оси как «коммуникативной категории, отражающей отношения между говорящим и слушающим» [4, с. 17]. Они выполняют те же самые функции, которые им присущи, если так можно выразиться, на докоммуникативном этапе, хотя предложение уже включает «исходную, базовую составляющую коммуникативности» – «соотнесенность с моментом речи» [4, с. 17], то есть синтаксическое время и отношение говорящего и высказывания к действительности (модальность). Собственно коммуникативным становится сообщение при условии включения сообщения говорящего для кого-то с целью его восприятия слушающим. Именно в этом случае мы имеем включение

основной составляющей коммуникативности – категории лица. Поэтому подлинная коммуникация осуществляется в диалоге и вследствие этого не ограничивается одним высказыванием. Как отмечает С.Г. Ильенко, «коммуникация осуществляется не отдельными предложениями-высказываниями, а их содружествами» [4, с. 20]. При этом, на наш взгляд, важно иметь в виду, что в коммуникации присутствует не только данное содружество как ее структурная составляющая, имеющая языковое выражение, но и то, что оказывается за пределами коммуникативной единицы и представлено контекстом, включающим экстралингвистическую информацию. В этом плане показательны пословицы как тексты, представленные одним предложением (*Цыплят по осени считают; Не в свои сани не садись* и др.).

Таким образом, основным принципом, обеспечивающим взаимосвязь и взаимодействие лексики, морфологии, синтаксиса, является их интегративное объединение и включение в определенное концептуальное пространство коммуникации. При этом **коммуникация предполагает их интеграцию** со свойственными им уровневыми функциями, но которые в составе основной единицы коммуникации – дискурса (или текста как результата дискурсивной практики) выступают как интегративное единство. И в этой интегративной целостности они способствуют реализации коммуникативной функции. Поэтому именно в интегральном (интегративном) подходе к освещению синтаксического строя языка и видит главный принцип С.Г. Ильенко [4, с. 22].

На наш взгляд, **коммуникативное интегративное единство** – это, в сущности, единство, создаваемое взаимодействием разных типов знаний: во-первых, знаний, полученных в результате отражения и интерпретации действительности, и, во-вторых, знаний языковой системы, используемой в качестве средства познания этой действительности и общения. В результате коммуникативное пространство, как концептуальная система дискурсивного типа, оказывается структурированным за счет вхождения в него интегрированных компонентов разных концептуальных подсистем. Поэтому в определенном смысле коммуникация является тем

уровнем, который позволяет сопоставить разную информацию других уровней, учитывая их разноканальность и тем самым способность вступать в определенные отношения, формируя на их основе интегративное единство, цельность которого обеспечивает выполнение языком его основной функции – коммуникативной.

Интегративный характер современного этапа научного познания вполне согласуется с понятием системности в отношении многопризнакового объекта и предполагает взаимосвязь и взаимодействие разных аспектов (предметов) исследования в целях создания целостной исследовательской «картины» по отношению к нему. Поэтому сегодняшняя эпоха изучения языка – это эпоха *антропоцентризма и интегративного (интегрального) подхода* к описанию языка как многоуровневой системы, выполняющей коммуникативную функцию. Современное исследование языка требует рассмотрения взаимосвязей и взаимодействия аспектных результатов, их согласования друг с другом в рамках целостности и единства самого объекта [21].

На наш взгляд, на *методологическом уровне* интеграция в контексте антропоцентризма востребована как *формат знаний*, как *инструментарий*, позволяющий получить новые знания не только в сформировавшейся интегративной области, но и в рамках «старых» проблем, которые в этом случае получают развитие в плане их перспективного видения в решении исследовательских задач. Показательным в этом смысле является предложенная С.Г. Ильенко «ориентация на **коммуникативно-структурный подход** при описании синтаксической системы; определение особой роли **категории лица** и рассмотрение в качестве ведущих категорий, присущих предложению, не только предикативности, но и **коммуникативной оси**» [4, с. 22].

Список литературы

1. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. 1999. URL: www.infolex.ru/Interpret.html (дата обращения: 15.03.2018).
2. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.
3. Павленис Р.И. Язык. Логика. Философия. Вильнюс, 1981.
4. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 398 с.
5. Шелякин М.А. Русские местоимения (Значение, грамматические формы, употребление). Тарту, 1986. 93 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
7. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения и его смысловых категорий. М.: ИРЯ РАН, 1995. 120 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 674 с.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
10. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
11. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
12. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 1998. 528 с.
13. Ильенко С.Г. Русские односоставные глагольные предложения в антропоцентрическом аспекте // Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 674 с.
14. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.
15. Шарандин А.Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: Изд-во Першина Р., 2009. 574 с.
16. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
17. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
18. Шарандин А.Л. Категория лица и числа русского глагола в аспекте взаимодействия лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. 13. Ментальные основы языка как функциональной системы. Москва; Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ, 2013. С. 406-418.
19. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Изд. О.Ю. Алейников, 2010. 328 с.
20. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
21. Шарандин А.Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое кон-

цептуальное пространство // Вопросы психо-лингвистики. 2015. № 3 (25). С. 240-250.

Поступила в редакцию 21.03.2018 г.
Отрецензирована 15.04.2018 г.
Принята в печать 29.06.2018 г.

Информация об авторе

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sharandin@list.ru

Для цитирования

Шарандин А.Л. Интегрирующий характер коммуникации и организующая роль категории лица в контексте антропоцентризма // Неофилология. 2018. Т. 4, № 15. С. 5-16. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-5-16.

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-5-16

INTEGRATIVE CHARACTER OF COMMUNICATION AND ORGANIZING ROLE OF THE CATEGORY OF PERSON IN THE CONTEXT OF ANTHROPOCENTRISM

Anatoliy Leonidovich SHARANDIN

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: sharandin@list.ru

Abstract. Considered the problem of relations between such concepts as integration of language levels, category of person and anthropocentrism in the context of the ideas of professor S.G. Ilyenko. This is not accidental, since this problem is presented in her works as having a methodological character in connection with the recognition of anthropocentrism and integration as the main principles of the description of the language system. The key and organizing role in their interrelation is played by the category of the person which in various forms of its realization is present at different language levels and in communicative activity of the person as a whole. This allows us to consider the concept of integrative communicative space, which is represented as a unity created by the interaction of different types of knowledge: 1) knowledge obtained as a result of reflection and interpretation of reality; 2) knowledge of the language system used as a means of cognition of this reality and communication. As a result, communication is the highest level that allows you to compare information at different levels, and forms on their basis integrative unity, the integrity of which ensures the implementation of the language of its main function – communicative.

Keywords: anthropocentrism; category of person; integration; language levels; syntax; communicative function of language

References

1. Demyankov V.Z. *Interpretatsiya kak instrument i kak ob"ekt lingvistiki* [Interpretation as a tool and as an object of linguistics]. 1999. (In Russian). Available at: www.infolex.ru/Interpret.html (accessed 15.03.2018).
2. Boldyrev N.N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitsakh i kategoriakh [Anthropocentric essence of language in its functions, units and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 1, pp. 5-12. (In Russian).
3. Pavilenis R.I. *Yazyk. Logika. Filosofiya* [Language. Logic. Philosophy]. Vilnius, 1981. (In Russian).

4. Ilenko S.G. *Kommunikativno-strukturniy sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Communicative-Structural Syntax of the Modern Russian Language]. St. Petersburg, Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, 2009, 398 p. (In Russian).
5. Shelyakin M.A. *Russkie mestoimeniya (Znachenie, grammaticheskie formy, upotreblenie)* [Russian Pronouns (Meaning, Grammatical Forms, Usage)]. Tartu, 1986, 93 p. (In Russian).
6. Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984, 398 p. (In Russian).
7. Shvedova N.Y., Belousova A.S. *Sistema mestoimennykh kak iskhod smyslovogo stroeniya i ego smyslovyykh kategoriy* [System of Pronouns as an Outcome of Semantic Structure and its Semantic Categories]. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995, 120 p. (In Russian).
8. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language: Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972, 674 p. (In Russian).
9. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 448 p. (In Russian).
10. Shvedova N.Y. (ed.-in-chief). *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1, 784 p.
11. Miloslavskiy I.G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological Categories of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981, 254 p. (In Russian).
12. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Y. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998, 528 p. (In Russian).
13. Ilenko S.G. *Russkie odnosostavnyye glagol'nye predlozheniya v antropotsentricheskom aspekte* [Russian one-part verbal sentences in anthropocentric aspect]. *Rusistika: Izbrannye trudy* [Russian Studies: Selected Works]. St. Petersburg, Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, 2003, 674 p. (In Russian).
14. Bondarko A.V. (executive ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 264 p.
15. Sharandin A.L. *Russkiy glagol: kompleksnoe opisaniye* [Russian Verb: a Comprehensive Description]. Tambov, Pershin R. Publ., 2009, 574 p. (In Russian).
16. Krasnykh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Foundations of Psycholinguistics and Theory of Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2001, 270 p. (In Russian).
17. Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 352 p. (In Russian).
18. Sharandin A.L. *Kategoriya litsa i chisla russkogo glagola v aspekte vzaimodeystviya leksiki i grammatiki, morfologii i sintaksisa* [Category of person and number of russian verb in the aspect of interaction of vocabulary and grammar, morphology and syntax]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 13. Mentalnye osnovy yazyka kak funktsionalnoy sistemy* [Cognitive Studies of Language. Vol. 13. Mental basic principles of language as a functional system]. Moscow, Tambov, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., Tambov State University Publ., 2013, pp. 406-418. (In Russian).
19. Koprov V.Y. *Semantiko-funktsional'nyy sintaksis russkogo yazyka v sopostavlenii s angliyskim i vengerskim* [Semantic and Functional Syntax of the Russian Language in Comparison with English and Hungarian]. Voronezh, O.Y. Aleynikov Publ., 2010, 328 p. (In Russian).
20. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2004, 560 p. (In Russian).
21. Sharandin A.L. *Soznanie, semiotika, yazyk, kommunikatsiya i pragmatika kak edinoe kontseptual'noe prostranstvo* [Consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics as a single conceptual space]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2015, no. 3 (25), pp. 240-250. (In Russian).

Received 21 March 2018

Reviewed 15 April 2018

Accepted for press 29 June 2018

Information about the author

Sharandin Anatoliy Leonidovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: sharandin@list.ru

For citation

Sharandin A.L. *Integriruyushchiy kharakter kommunikatsii i organizuyushchaya rol' kategorii litsa v kontekste antropotsentrizma* [Integrative character of communication and organizing role of the category of person in the context of anthropocentrism]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 15, pp. 5-16. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-5-16. (In Russian, Abstr. in Engl.).